

КТО ОСТАВИЛ ЛЬВА ТОЛСТОГО В ПЕТЕРБУРГЕ?

(«ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТСКАЯ» ПРОТЕКЦИЯ
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ)

Ю. И. Красносельская
(Москва)

В ноябре 1855 г. Л. Н. Толстой приезжает из Севастополя в Петербург (как принято считать, в качестве курьера), однако обратно к месту своей постоянной службы уже не возвращается. Он был прикомандирован к Санкт-Петербургскому ракетному заведению, а через год и вовсе ушел в отставку с военной службы. При этом, как признают исследователи, перевод боевого офицера в столицу едва ли мог осуществиться «просто так», т. е. без достаточно высокой протекции, что, в свою очередь, порождает вопрос о лицах, которые могли Толстому такую протекцию оказать. В настоящей работе мы предложим свою версию на этот счет, полагая, что таковыми могли быть флигель-адъютанты А. Д. Столыпин и Д. С. Горчаков. Чтобы подтвердить эту гипотезу, мы попробуем разобраться, как вообще воспринималась молодым Толстым, будущим автором беспощадных открытых обличений «царя и его помощников», проблема протекции, насколько и в каких случаях он считал возможным прибегать к ходатайству перед властью имущими. Мы покажем, что наиболее эффективным Толстому казалось именно флигель- или генерал- адъютантское заступничество, и опишем эту специфическую модель протекции. Наконец, мы покажем, как литературный материал (главным образом, «Война и мир») подтверждает наличие такой модели, но в то же время деформирует ее, что свидетельствует о попытках писателя эстетически скорректировать, облагородить свою реальную тактику поведения, «отчистив» ее от прозаических и не всегда для него лестных подробностей,

которыми сопровождалось в действительности его продвижение по службе.

Сам Толстой в поздние годы высказывал фантастическое предположение, что его перевод в столицу был сделан по личному распоряжению Николая I, прочитавшего «Севастополь в декабре месяце». Об этом, в частности, сообщает Д. П. Маковицкий, воспроизводя следующий разговор в кругу семьи Толстых:

Софья Андреевна: Николай Павлович, прочитав «Севастополь в декабре», послал фельдъегеря, чтобы Л. Н. оттуда отозвать.

Бирюков: Этот факт сомнителен. «Севастополь в декабре» был напечатан позже.

Л. Н.: Нет, это так было. «Севастополь в декабре» был читан у императрицы, тетушки жили во дворце. Мне начальник артиллерии¹ сказал, что <мой перевод состоялся> по приказанию государя. Я написал в декабре и очень скоро появилось. Но, может быть, он в рукописи читал (Маковицкий 1979а, 1: 347).

Однако эта версия неправдоподобна потому, что Николай I умер в феврале 1855 г., т. е. до появления первого из севастьяпольских рассказов в июньском номере «Современника» за 1855 г. По другой версии, исходящей опять-таки от самого писателя, помощь Николая была скромнее. Он якобы просто распорядился перевести талантливого писателя со знаменитого четвертого бастиона в более безопасное место, о чем сообщает немецкий биограф Толстого Рафаэль Лёвенфельд, общавшийся с Толстым в 1890-е гг.: «В мае Лев Толстой был переведен в Бельбек, на правую сторону речки Бельбек, и назначен командиром горной батареи» (Лёвенфельд 2011: 222). Однако и здесь говорится уже о том, что происходило после смерти императора Николая. Можно, конечно, предположить, что Толстой спутал Николая с его преемником Александром II. Александр действительно читал «Севастополь в декабре» – он получил отпечаток рассказа от П. А. Плетнева (в свое время преподававшего

¹ Имеется в виду А. О. Сержпутовский (к Толстому не благоволивший) или, вероятнее, начальник штаба артиллерии Н. А. Крыжановский, с которым Толстой общался после ухода с военной службы.

будущему императору словесность), о чем Толстому сообщал И. И. Панаев в письме от 31 мая 1855 г. (Толстой 1978, 1: 122). Известно, что государь ценил и дебютное сочинение Толстого – «Детство» и даже плакал, читая его в 1856 г. (об этом см.: Красносельская 2012: 154–162). Однако назначение Толстого на Бельбек состоялось 15 мая, т. е. еще до прочтения царем севастопольского рассказа (см.: Толстой 1937b, 47: 43), так что и версия о его вмешательстве нуждается в дополнительных подтверждениях. Важными в этой связи представляются разыскания А. В. Ткачева, показавшего, что решающую роль в судьбе Толстого могло сыграть посещение Александром Крыма в конце октября 1855 г., т. е. незадолго до отправления Толстого в Петербург (см.: Ткачев 2013: 635–647). Добавим, что, возможно, именно тогда произошла встреча Толстого с братьями императора великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами (также ставшими к тому времени поклонниками писательского мастерства Толстого), о которой Толстой рассказывал в старости Маковицкому:

Л. Н.: В моем представлении Михаил Николаевич и Николай Николаевич («старший») – мальчики. Они пришли ко мне в Севастополе, чтобы познакомиться.

Кто-то спросил: «Как?»

Л. Н.: Как к писателю. Николай Николаевич был годов на пять моложе меня (Маковицкий 1979b, 2: 258).

Этот факт слишком серьезен, чтобы списать его на ошибку памяти – по всей вероятности, такая встреча действительно состоялась и могла предопределить судьбу Толстого. Еще раньше, по случаю первого прибытия великих князей в действующую армию в октябре 1854 г., Толстой записывает в дневнике: «Завтра приезжают Князья. Пускай это будет для меня эпохой» (Толстой 1937b, 47: 26). И все же, хотя факт императорского и (или) великокняжеского вмешательства в его жизнь очевидно имел место, в этом деле должны были быть посредники, обратившие внимание государя или членов императорской фамилии на талантливого офицера, способные улаживать административные или какие-либо иные нюансы,

неизбежно возникавшие при подобного рода бюрократических перестановках². Даже лично видевшимся с Толстым великим князьям нужно было напоминать о нем, нужно было уметь замолвить за него словечко в подходящий момент. Собственно, и сам Толстой, подчеркивая роль Николая I в изменении своей участи, указывал на такие «промежуточные инстанции» в лице начальника артиллерии и своих тетушек.

Двоюродные тетки Толстого – Александра и Елизавета Андреевны Толстые – состояли при дворе и в этом смысле действительно представляли собой влиятельный «канал»: первая, с которой Толстого связывали очень доверительные отношения, была фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, вторая – наставницей ее младшей дочери Евгении Максимилиановны. Любимая «бабушка» Толстого, Александра Андреевна Толстая, вроде бы кажется самым влиятельным лицом из окружения Толстого. Однако, как отмечала она в своих воспоминаниях, ее сближение с писателем произошло позднее, в Швейцарии, в 1857 г.: «Вижу его совершенно ясно уже по возвращении его из Севастополя (1855 г.) молодым артиллерийским офицером и помню, какое милое впечатление он произвел на всех нас. <...> В первые два или три года нашего знакомства мы виделись с ним довольно часто, но более урывками. Дороги наши были слишком различны. Я была тогда уже при Дворе, а он появлялся в Петербурге только наездом» (Толстой и Толстая 2011: 11). К тому же, Толстой в своих письмах А. А. Толстой конца 1850-х гг. слишком уж часто подтрунивает над «Трубой», как называет он Двор, что едва ли было бы возможно, будь он в долгу перед этой самой Трубой, т. е. будь он в недавнем прошлом зависим от своих придворных знакомых.

² По мнению С. В. Венюковой, способствовать переводу в Санкт-Петербургское ракетное заведение мог приятель и сослуживец Толстого Л. Ф. Баллюзек, прежде служивший в нем. Однако тот скорее мог обеспечить «технический» перевод на это новое место службы, чем способствовать Высочайшей воле о переводе. См.: Венюкова 1979: 117. Еще одним потенциальным заступником за Толстого кажется нам Д. А. Милютин, будущий военный министр, однако вопрос о его связях с Толстым требует отдельного рассмотрения.

Еще одна гипотеза относительно высоких покровителей Толстого принадлежит А. В. Ткачеву, предположившему, что таковым был Ф. И. Тютчев, считавшийся другом императрицы Марии Александровны и познакомившийся с Толстым примерно в это же время (см.: Ткачев 2013: 602–612). Оригинальности этой версии придает то, что подтверждается она скорее художественным, чем документальным материалом. Ткачев считает Тютчева прототипом дипломата Билибина из «Войны и мира» и использует диалоги этого героя с князем Андреем, а также ряд обстоятельств биографии последнего в качестве косвенного подтверждения своей догадки. Так, поездка князя Андрея из главной квартиры Кутузова в Брюнн, ко двору австрийского императора Франца, с сообщением о победе над армией Мортье, в романе описывается как «знак особой милости главнокомандующего»: «Отправление курьером, кроме наград, означало важный шаг к повышению» (Толстой 1979, 4: 190). Так и главнокомандующий русской армией М. Д. Горчаков, по мнению Ткачева, отправил Толстого в столицу с сообщением о страшном взрыве пороховых складов неприятеля, которое не могло не обрадовать Петербург (см.: Ткачев 2013: 572–587). Далее, Билибин в «Войне и мире» призывает князя Андрея не возвращаться на войну, считая ее проигранной, а геройство в этих условиях – безрассудством: «Куда и для чего вы поедете теперь, когда вы можете оставаться здесь? Вас ожидает одно из двух <...>: или не доедете до армии и мир будет заключен, или поражение и срам со всею кутузовскою армией» (Толстой 1979, 4: 207). Сходную альтернативу, согласно Ткачеву, должен был обрисовать и Тютчев при встрече с Толстым, рассуждая об уже очевидном провале крымской кампании. Единственное, что смущает исследователя, это возраст героя: Билибин, в отличие от Тютчева, молод, он ровесник и приятель князю Андрею. Кроме того, Болконский, как мы помним, советов Билибина как раз не слушается, мечтая о своем Тулоне.

На наш взгляд, помощь Тютчева исключать нельзя, но разница в возрасте, общественном положении и даже степени литературного признания (как впоследствии подчеркивал сам Толстой, «Тютчев, тогда знаменитый, сделал мне, молодому писателю, честь и пришел

ко мне». – Гольденвейзер 2002: 153) едва ли позволила бы Толстому обсуждать с Тютчевым вопрос своего перевода. Что касается других литераторов, способных похлопотать за своего собрата по перу и одновременно небезызвестных при дворе, то теоретически можно предположить также участие Плетнева, владельца журнала «Современник», преподнесшего государю, как уже говорилось выше, оттиск опубликованного здесь «Севастополя в декабре месяце». Но все же сложно поверить, что Плетнев стал бы хлопотать в ходе своей встречи за незнакомого ему лично на тот момент молодого писателя. Сохранившиеся два письма Плетнева Толстому от 1862 г. указывают на то, что и позже их отношения не были близкими: как пишет Плетнев 13/25 февраля 1862 г., возобновляя прервавшееся общение с Толстым, «немного раз привел Бог видеться мне с Вами; но память об этих часах, проведенных мною в Вашем обществе, никогда не пропадет у меня» (Толстой и Плетнев 1927: 23). Подобный тон, указывающий на то, что Плетнев чувствует себя польщенным возобновлением общения с Толстым, был бы едва ли возможен в разговоре с человеком, которому адресант прежде оказал важную услугу и который, соответственно, скорее сам должен испытывать благодарность адресанту. Преподнесение патриотического военного рассказа императору использовалось редакцией «Современника» в других целях: оно помогло журналу получить разрешение публиковать военные и политические материалы, чего он уже давно добивался. И хотя соредактор Некрасова по «Современнику» Панаев и пишет Толстому, что литературный Петербург молится за то, чтобы Бог сохранил Толстого для славы русской литературы (см.: Толстой 1978: 122–123), едва ли он мог оказать более действенное содействие толстовскому переводу в столицу.

Таким образом, вопрос о покровителях Толстого кажется нам по-прежнему нерешенным, что и заставляет переносить его обсуждение в более широкую плоскость. Определив, насколько вообще писатель считал допустимым обращаться за чьей-либо помощью для продвижения по службе, кому он мог довериться в подобных щекотливых обстоятельствах, мы сможем приблизиться и к ответу о конкретных его помощниках.

Молодому Толстому неоднократно приходилось использовать неофициальные каналы для разрешения бюрократических вопросов. Проволочки и неудачи преследовали его почти с самого приезда на Кавказ, с того момента, когда он не смог вовремя вытребовать документы из Тулы для зачисления на военную службу. Чуть позже он ходатайствует о получении офицерского чина, потом об отставке, не получив которую решает перевестись с Кавказа в Южную армию; наконец, вынашивает план стать адъютантом Горчакова. Все это требовало и личных хлопот, и обращения к родственникам и знакомым. Последний путь – «через кого-то» – был явно предпочтителен для Толстого – не только потому, что на Кавказе возможности его личного участия в решении такого рода проблем были ограничены по объективным причинам, но и потому, что ему самому не очень хотелось подобными вещами заниматься. Чаще всего он просит похлопотать за себя брата Сергея – ср. письма с просьбами ускорить его производство в офицеры в 1853 г.:

17 апреля: «Я знаю наверное, что могут произвести на месте, и что это делается. Нужно только попросить об этом кого-нибудь из значущих лиц в Петербурге в Штабе Фельдцейхмestера, где и должно находиться мое представление. Не найдешь ли ты путь к кому-нибудь из этих Г[оспо]д через Горчаковых А. И. или С. Д. или через Толстых Праск. Вас.» (Толстой 1935, 59: 231).

26 ноября: «Необходимо, чтобы кто-нибудь похлопотал о моих бумагах в Герольдии, но так как я уже потерял из вида своих петербургских знакомых, то напиши – ты – кому-нибудь <...>» (Толстой 1935, 59: 250).

С просьбой о переводе в Южную армию Толстой уже сам обращается к Горчаковым: 2 октября 1853 г. он записывает в дневнике, что хочет «писать письмо К[нязю] А[ндрею] И[вановичу] и С[ергею] Д[митриевичу]» (Толстой 1937а, 46: 176). С. Д. Горчаков переправляет докладную записку Толстого о переводе его в действующую армию своему брату М. Д. Горчакову, командующему в тот момент войсками, расположенными в Молдавии и Валахии, и

информирует об этом Толстого: «Письмо от меня к брату Михайле уже написано и пойдет 19 числа с вашей запиской – что будет не знаю, но написано родственно. Дай бог, чтобы удалось» (Толстой 1935, 59: 252). Как видим, Горчаковы задействованы не просто как высокопоставленные знакомые, от которых зависит карьера Толстого, но и как родственники. Князь А. И. Горчаков, генерал от инфантерии, при котором некогда состоял адъютантом отец Толстого, был троюродным братом бабки писателя. М. Д. и С. Д. Горчаковым Толстой приходился троюродным племянником и, несмотря на отдаленность родства, близко общался с семьей С. Д. Горчакова с детства (Горчаковы выведены под фамилией Корнаковы в толстовской автобиографической трилогии). В дневниках времен военной службы Толстой даже упрекает себя за то, что «тщеславился» перед другими офицерами своей связью с Горчаковыми (см.: Толстой 1937а, 46: 164).

Переведясь в Южную, а затем в Крымскую армию, Толстой в 1855 г. задумывает новый план – стать адъютантом М. Д. Горчакова (в феврале того же года назначенного главнокомандующим Крымской армией), а помочь ему в этом должно было рекомендательное письмо его тетки П. И. Юшковой. Письмо он передает, для вручения Горчакову, своему приятелю Е. П. Ковалевскому – т. е. действует опять-таки не напрямую, а через цепочку доброжелателей. Как мы полагаем, именно такой тип ходатайства (не личный, а через родственников и друзей) был для Толстого не просто наиболее доступным (кого, в самом деле, в первую очередь просить о помощи, как не родных?), но и единственно возможным, поскольку не оскорблял его самолюбия, не шел вразрез с его нежеланием прислуживаться. Будучи человеком гордым и независимым, Толстой не раз подчеркивал свое отвращение к заискиванию перед вышестоящими по службе. Так, по поводу письма Юшковой он пишет 7 мая 1855 г. другой тетке, Т. А. Ергольской: «<...> успех, т. е. выдвигаться по службе, почести... я не создан для этого. Представьте себе, я не мог себя заставить снести князю письма тети Полины и поручил это своему приятелю, который сказал мне 2 дня спустя, что князь сказал, чтобы я в тот самый день пришел к нему обедать;

я пошел, но он и не заметил моего присутствия, вероятно забыв, что он собирался мне сказать, а я не из тех, которые о себе напоминают. Так что мое единственное желание – быть его адъютантом, теперь не осуществится» (Толстой 1935, 59: 315).

Таким образом, Толстой одновременно и стремится сделать служебную карьеру («тщеславие – желание чинов, крестов» (Толстой 1937b, 47: 40) – это один из основных недостатков, которые он замечает за собой и с которыми пытается бороться), и в то же время надеется, что она сделается как-нибудь «сама», словно без его участия. Так, в дневниках он выражает желание, чтобы Горчаков сам обратился к нему с предложением стать его адъютантом (см.: Толстой 1937b, 47: 38). Понятно, что при таком щепетильном отношении к делу на людей малознакомых вроде Тютчева Толстой полагаться бы не стал. Вскоре по приезде в Петербург, 20 ноября 1855 г., он в письме сестре М. Н. Толстой четко формулирует свое кредо в этом вопросе, упоминая о еще одном литераторе, который якобы был готов оказать ему содействие: «Тургенев <...> говорит, что со вчерашнего же вечера поведет батареи, чтоб меня не впускали назад в армию, а я ему говорю, что и сам этого хочу, но ни за что не сделаю ни одного шага для этого, и ежели он хочет делать, то делал бы так, чтоб я не знал, а то я ему помешаю» (Толстой 1953, 61: 369–370). Хотя реальная помощь Тургенева, как справедливо указывает Ткачев, сомнительна, здесь важен все тот же тип косвенного – «с закрытыми глазами» – согласия на помощь.

Из этого же письма следует, что сам по себе приезд Толстого в Петербург еще не застраховывал его от возвращения в Крым, о чем следовало похлопотать отдельно. И, как нам кажется, в ближайшем окружении Толстого в этот момент были люди, которые могли оказать ему соответствующую помощь, не ставя его в неудобное положение просителя. Таковыми кажутся, в частности, А. Д. Столыпин и Д. С. Горчаков – хорошие приятели Толстого по Южной армии. Последний, племянник М. Д. Горчакова и сын С. Д. Горчакова Дмитрий, приходился Толстому четвероюродным братом. В какой-то степени во второй половине 1850-х гг. Горчаков и Толстой

породнились и со Столыпным – примерно в это время он женился вторым браком на дочери М. Д. Горчакова Наталье³.

При этом, Горчаков и Столыпин были не просто сослуживцами или родственниками Толстого, но и близкими ему по духу людьми. Аркадий Дмитриевич Столыпин, состоявший адъютантом при начальнике артиллерии Южной, а потом Крымской армии, был одним из тех офицеров, с которыми Толстой задумывал издавать журнал для солдат⁴. Он оказался одним из наиболее обязательных участников этого проекта – когда журнал не был разрешен, Столыпин подготовил для «Современника» статью «Ночная вылазка в Севастополе», которая и была напечатана Некрасовым. В 1855 г. он был пожалован во флигель-адъютанты с переводом в Лейб-гвардии конную артиллерию (см.: Милорадович 1886: 129). В это же время сходным образом изменилась судьба Д. С. Горчакова. Как указывает близко знавший его С. Д. Шереметев, «в один из приездов его в Петербург из Главной квартиры действующей армии, он был назначен Императором Александром II флигель-адъютантом» ([Шереметев] 2005: 370). Если Столыпин вступил в звание 14 июня 1855 г., то непосредственно перед ним, указом от 7 мая того же года, в это же звание был произведен Горчаков (см.: Милорадович 1886: 128).

Правда, рассказ Шереметева о переводе Горчакова в Петербург опровергает представление о том, что родственные связи могли играть исключительно на руку молодым офицерам. Опровергает он отчасти и идею Ткачева о том, что Толстой мог быть направлен в Петербург только с такими известиями, которые произвели бы благоприятное впечатление и соответственно способствовали бы его карьерному росту (см.: Ткачев 2013: 579–587). Как пишет Шереметев, Горчаков «испытал на себе все неудобства иметь своим начальником человека рыцарского закала, кн. Михаила Дмитриевича, не желавшего, чтобы его подозревали в потворстве

³ Точная дата женитьбы неизвестна, однако стоит принять во внимание, что старший сын Столыпина от этого брака Михаил появился на свет в 1859 г.

⁴ Его послужной список см. в: Кольян 2009: 173–184.

своему племяннику. В Петербург он его отправил не с известием о победе, а с самыми мрачными депешами, так что появление такого вестника должно было произвести самое неблагоприятное на государя впечатление. К удивлению, случилось наоборот: его назначили флигель-адъютантом. Павлоградский гусар, появившийся во дворе и в светских салонах, резко отличался от господствующего и надоедавшего типа безукоризненных гвардейцев» (Шереметев 2004: 228). Таким образом, повторимся, приезд в столицу представлял собой только половину дела для искателя «карьеры и фортуны»; не менее сложной задачей было в Петербурге остаться.

Как показал Ричард Уортман, в годы правления Александра императорская свита удваивается в своих размерах, поскольку претерпевает изменения сам государственный сценарий: если любовь Николая I к парадам и гвардии была продиктована его страстью к дисциплине и исполнительности, то отношение нового императора к свитским офицерам было основано на «любви», на идее взаимной преданности государя и его подчиненных: «Александровские парады были <...> презентацией общности западноевропейских монархов и русской дворянской элиты <...>. Образчиком этой изысканной военной культуры была императорская Свита, группа генерал-адъютантов, появляющихся вместе с императором на всех парадах и церемониях. Александр был первым императором, который взошел на трон в чине адъютанта императорской Свиты, и он щедро раздавал свитские назначения. Его отношения с адъютантами были мягкими и дружескими. Он обращался с ними почти как с друзьями, крестил их детей, навещал их, когда они были больны» (Уортман 2004: 188–189). Почти синхронно назначенные флигель-адъютантами Столыпин и Горчаков, очевидно, вызывали такую симпатию государя и могли общаться с ним не только в официальной обстановке. Так, А. Ф. Тютчева сообщает в дневнике (правда, уже за 1858 г.) о спиритическом сеансе, который состоялся у Александра II под руководством знаменитого Юма и на котором, в том числе, присутствовал «адъютант Горчаков» (Тютчева 1990: 175). Как отмечает, в свою очередь, Шереметев, было время, когда и

«императрица Мария Александровна была очень внимательна к Горчакову» (Шереметев 2004: 228). Это внимание могло использоваться для помощи друзьям – напомним, что на роль императрицы в своем деле обращал внимание и Толстой.

Таким образом, назначение Столыпина и Горчакова флигель-адъютантами приходится как раз на то время, когда новый император знакомится с толстовским военным рассказом. При этом, судя по дневникам Толстого, со Столыпиным он продолжал активно общаться и дальше, в 1856–1857 гг., когда уже сам прибыл из Севастополя в столицу. В это время Толстой переживает период увлечения «чистым искусством», и Столыпин оказывается близок ему уже не столько как армейский приятель, но и как любитель музыки, ставший известным организатором музыкальных вечеров (а впоследствии и председателем Московского филармонического общества). О таких вечерах, устраивавшихся у Толстого и Столыпина, сообщает, например, В. П. Боткин (см.: Боткин и Тургенев 1930: 112). Сходились и их литературные вкусы – так, в письме А. В. Дружинину от 30 апреля [1857] г. Столыпин называет Дружинина и Боткина самыми для него «симпатичными авторитетами в слоге и в образе мыслей» (Письма к Дружинину 1948: 302), что вполне соответствовало и тогдашним толстовским симпатиям. Какой из Горчаковых упоминается в дневниках Толстого этого времени, определить сложнее. По мнению редакторов ПСС, в записи от 10 января 1857 г. («Приехал Стал[ыпин], Горчак[ов] и Бремер». – Толстой 1937b, 47: 110) речь идет о младшем брате Д. С. Горчакова Александре, однако мы полагаем, что кандидатура Д. С. Горчакова в данном случае не менее вероятна. Шереметев прямо называет Толстого «большим приятелем» Д. С. Горчакова, человеком, принадлежавшим «к его поколению и к его мировоззрению» (Шереметев 2004: 229, 352). Более того, Д. С. Горчакова называли «истинным художником» ([Шереметев] 2005: 372) по натуре, человеком, «восприимчивым к музыке», что также делало его интересным для Толстого собеседником ([Шереметев]

2005: 373). Позднее в имении Барятино Горчаковым была собрана замечательная художественная коллекция⁵.

Таким образом, именно к этим флигель-адъютантам Толстой мог, во-первых, свободно обратиться за помощью, а, во-вторых, они могли ему ее оказать. Ранее Толстому уже приходила мысль просить Столыпина, близкого к горчаковскому штабу, об аналогичной услуге. В дневнике от 14 февраля 1855 г. Толстой записывает: «Мысль об отставке или военной академ[ии] все чаще и чаще приходит мне. Я писал Столыпину, чтобы он выхлопотал меня в Кишинев. Оттуда уже устрою одно из этих двух» (Толстой 1937b, 47: 36–37). Интересно, что мысли об отставке и о развитии карьеры парадоксальным образом переплетались в голове писателя: еще в 1853 г. он писал в дневнике о том, что от выхода в отставку его удерживает ложный стыд – вернуться в Россию юнкером (см.: Толстой 1937a, 46: 158), т. е. продвижение по службе, как это ни странно, могло требоваться отчасти и для того, чтобы ускорить расставание с ней.

Косвенным свидетельством флигель-адъютантского вмешательства в судьбу писателя являются позднейшие воспоминания Толстого о том, как когда-то он сам чуть было не стал великокняжеским, а то и императорским адъютантом. Помешала этому якобы сочиненная Толстым севастопольская песня «Как четвертого числа...»⁶, дошедшая в ноябре 1856 г. до начальника Толстого по артиллерийскому ведомству генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича и вызвавшая его недовольство (см.: Толстой 1937b, 47: 98). Однако если в письмах того времени Толстой выражал беспокойство тем, что «эта штука в прошлое царствованье пахла крепостью», а теперь его могут не пустить за границу (см.: Толстой 1949b, 60: 137), то впоследствии он утверждал, что эта история, более того, воспрепятствовала его блестящей адъютантской карьере: «Эта песня даже стала в моей жизни роковой. Я из честолюбия хотел стать флигель-адъютантом великого князя

⁵ Ее описание см. в: Зверева 2004.

⁶ По предположению С. С. Дорошенко, разгневать Михаила Николаевича должна была скорее песня «Как восьмого сентября...», написанная Толстым в соавторстве с другими лицами (см.: Дорошенко 1966: 242–256).

Михаила Николаевича. Ко мне весьма доброжелательно относились командиры. <...> Однажды ко мне пришел генерал Философов [генерал-лейтенант А. И. Философов, воспитатель великих князей Михаила и Николая Николаевичей. – Ю. К.] и позвал к Михаилу Николаевичу. Я очень обрадовался, так как верил, что достиг своей высокой честолюбивой цели. Только тут великий князь мне сказал, что я должен отказаться от должности, так как стало известно, что я автор шуточной песни о князе Горчакове и других командирах» (Лёвенфельд 2011: 46). Французскому же писателю Полю Деруледу Толстой и вовсе заявил, что его собирались «послать адъютантом к государю», но когда «вышло как-то наружу», что он является автором песни, то его уже «неловко было назначить» (Ланский 1965: 538). Эти сенсационные, но противоречивые признания не подтверждаются материалами тогдашних толстовских писем и дневников и свидетельствуют о том, что события тех лет уже порядком изгладились из памяти Толстого. И все же, какой-то реальный субстрат они, видимо, содержат: возможность назначения Толстого адъютантом Михаила Николаевича кажется более правдоподобной, нежели его перевода в императорскую свиту, однако последнее предположение могло родиться в сознании позднего Толстого в силу воспоминаний о его тогдашней близости к кругу флигель-адъютантов. Общение с ними задавало привлекательный карьерный ориентир и в то же время открывало реальные перспективы «карьерного роста».

Заметим, что и впоследствии Толстой будет хлопотать по своим и чужим делам через флигель-адъютантов, очевидно, считая этот ресурс надежным. В 1862 г., когда в Ясной Поляне был произведен обыск, разгневанный Толстой пишет письмо императору с требованием получить «гласное удовлетворение» (Толстой 1949b, 60: 436), публичное признание его невиновности. Беспокоясь, как доставить письмо царю, он обращается сначала к А. А. Толстой: «Напишите мне, пожалуйста, поскорее, посоветовавшись с Перовским или А. Толстым, или с кем хотите, как мне написать и как передать письмо Государю?» (Толстой 1949b, 60: 436). В ответ Толстая сообщает, что они с Б. А. Перовским готовы предпринять

все от них зависящее, но делает важную оговорку, позволяющую судить о самом механизме обращения с просьбами к государю: «Я не задумаюсь лично передать письмо Государю, но я сделаю это только в том случае, если оно не будет связано с риском испортить дело, так как частное мнение женщины, особенно родственницы, вряд ли может иметь какое-либо значение. Надо, чтобы оно было поддержано кем-либо более значительным, особенно потому, что, насколько мне известно, мнение о вас осталось плохое, благодаря той несчастной песенке, и очень может быть, что как раз ей вы обязаны всей этой гнусной несправедливостью. Борис и Алексей вас, конечно, поддержат, но не могли бы вы, кроме них, назвать еще кого-нибудь в Петербурге, кто бы вас хорошо знал и был бы того же круга» (Толстой и Толстая 2011: 231–232). Это письмо кажется нам самым важным свидетельством того, что не Толстая помогла писателю в 1855 г. остаться в столице – сомнительно, что так мог писать человек, прежде уже оказавший Толстому важную услугу по карьерной части. Толстая подчеркивает, что она и как женщина, и как родственница⁷, и просто как человек не слишком влиятельный, едва ли может рассчитывать на успех. Но почему не кажутся ей достаточными посредниками генерал-адъютант Б. А. Перовский и флигель-адъютант с 1856 по 1861 г. А. К. Толстой? Возможно, это связано с тем, что второй в 1861 г. наконец-таки добился отставки, чем навлек на себя высочайшее неудовольствие, а кроме того, тоже приходился Толстому родственником; Перовский же в силу своей близости А. А. Толстой также мог восприниматься как лицо излишне пристрастное. В итоге Толстой передал письмо через флигель-адъютанта С. А. Шереметева, причем, как и случае с рекомендательным письмом тетки Юшковой М. Д. Горчакову, сделал это не лично (едва ли Толстой был с Шереметевым знаком; по крайней мере, писатель его нигде больше не упоминает), а через

⁷ Указание на родственный фактор как неблагоприятное обстоятельство едва ли опровергает нашу мысль о помощи Толстому со стороны Горчакова. Родство Толстого с Горчаковым было идеальным – достаточно далеким, чтобы не обратиться на себя внимание при дворе, и достаточно близким, чтобы Толстой мог к Горчакову обратиться.

своего бывшего крымского начальника генерала Н. А. Крыжановского, начальника штаба артиллерии Крымской армии⁸, с которым он продолжал общаться и после ухода с военной службы.

И много лет спустя, когда сам Толстой уже не нуждался ни в чьем заступничестве, но регулярно хлопотал за тех, кого преследовало правительство, он продолжал использовать в том числе и адъютантский «канал» для помощи жертвам репрессий. При этом от личных просьб он по-прежнему старается удерживаться, предпочитая просить через друзей – но уже не из гордости, а потому, что, критикуя власть, он справедливо опасается, что его заступничество скорее повредит лицу, за которое он просит, нежели поможет ему. В 1884 г. он обращается к А. А. Толстой с просьбой помочь «старухе Армфельд», которой не разрешали поселиться рядом с ее осужденной по политическому процессу дочерью. После отказа императора А. В. Армфельдт планировала подать аналогичную просьбу императрице; Толстой одобрял этот план, однако поначалу сам не хотел просить о чем-либо «*священные особы*»⁹. Тем не менее он согласился помочь после того, как ему посоветовали обратиться к Евгении Максимилиановне, дочери великой княгини Марии Николаевны. Обращение к принцессе Ольденбургской позволяло придать толстовским хлопотам характер человеческий, неофициальный: «Впечатление, оставшееся у меня об Е[вгении] М[аксимилиановне], такое хорошее, милое, простое и человеческое, <...> что мы решили просить ее, чтобы она передала Импер[атрице]. А чтобы просить ее, надо просить вас» (Толстой 1934b, 63: 163), – пишет он А. А. Толстой. Хотя Толстая согласилась оказать содействие, Толстой чуть позже уведомил ее, что нашел еще одного заступника – и вновь в лице флигель-адъютанта, на этот раз И. С.

⁸ Как отмечает Толстой, он «просил позаботиться о участии этого письма Крыжановского» (Толстой 1949b, 60: 441).

⁹ Ср. дневник от 17 (29) апреля 1884 г.: «<...> написал письмо Толстой. Прошения с высочайшими священными особами, отношения с высочествами уже невозможны для меня» (Толстой 1952, 49: 83).

Мальцова: «Мальцов, флигель-адъютант расположен помочь делу Армфельд. Не нужен ли он вам» (Толстой 1934b, 63: 201)¹⁰.

Наконец, если, подобно Ткачеву, обратиться за подтверждением нашей версии к художественному материалу, то во всех трех знаменитых толстовских романах мы найдем довольно устойчивый образ флигель-адъютанта, отсылающий, на наш взгляд, к реальным толстовским знакомым. Это герой безукоризненный с светской точки зрения, честный, мужественный, «порядочный», но в то же время довольно ограниченный, не склонный к рефлексии. Таков Вронский в «Анне Карениной» – «страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем – очень милый, добрый малый» (Толстой 1934а, 18: 43) или Богатырев в «Воскресении» – «добрый, честный, прямой и даже либеральный», в то же время любящий царя и его семью и умеющий «каким-то удивительным приемом, живя в этой высшей среде, видеть в ней одно хорошее и не участвовать ни в чем дурном и нечестном» (Толстой 1936, 32: 295). Это, другими словами, тип человека «положительного», не слишком интересного автору, но по-своему достойного уважения: хорошего товарища и честного служаки. Близость не просто к власти, а именно к императорской фамилии делает его щепетильным относительно чувства долга и чести, однако препятствует выработке у него критического мышления, проблематизации той системы, частью которой он является. Тем не менее к нему можно обратиться за помощью: так, Нехлюдов пытается подать через Богатырева, своего бывшего товарища по полку, прошение сектантов на имя царя. Богатырев соглашается, но все же рекомендует Нехлюдову обратиться напрямую к лицу, от которого дело зависит. Флигель-адъютант, таким образом, является человеком, благодаря которому

¹⁰ Полковник и флигель-адъютант с 1877 г., Мальцов был, вероятно, знаком с Толстым. Ср. дневник от 11/23 августа 1884 г.: «Ездил в Тулу. Мальцов. Ему совестно за то, что он в лакейском мундире» (Толстой 1952, 49: 117). Хотя в примечаниях к этой записи указано, что речь идет об отце Мальцова, генерал-майоре и крупном промышленнике С. И. Мальцове, эта гипотеза кажется нам спорной. Толстой действительно был знаком с Мальцовым-старшим (видимо, благодаря дружбе с его зятем Л. Д. Урусовым), жил в его имении в Симеизе, но отзывался о нем скорее неодобрительно, как о типичном старом помещике и генерале.

можно попытаться обойти требования сложной бюрократической системы или решить проблему в более короткие сроки. Образ Богатырева связывают с личностью флигель-, а потом и генерал-адъютанта гр. А. В. Олсуфьева, однако, видимо, Толстой во всех своих свитских знакомых обнаруживал черты одного «архетипа», на основе которого и созданы образы Богатырева и Вронского. Эти черты отличали и А. Д. Столыпина. Рассуждая в поздние годы о деятельности его сына, П. А. Столыпина, вызывавшей у писателя ужас или чувство жалости к этому утратившему нравственное чутье человеку, Толстой почти неизменно противопоставляет российского премьер-министра его отцу, подчеркивая, что при всей «недалекости» того, А. Д. Столыпин был человеком правдивым и благородным, которого возмутили бы репрессии и казни, санкционированные его сыном¹¹.

Самый же интересный пример флигель-адъютантской протекции обнаруживается в «Войне и мире». Описание карьерных моделей имеет здесь очевидный автобиографический след (об этом см. также: Ткачев 2013: 321–324), однако Толстой «перекодирует» свой реальный опыт, отделяя дурной карьеризм от оправданного желания продвинуться по карьерной лестнице во имя служения Отечеству. Намерение сделать карьеру, а конкретнее, стать адъютантом, подвергается в романе, во-первых, своеобразной «генерализации»: оно характеризует не отдельных честолюбцев, а все общество, это повальное увлечение, которого в принципе нельзя избежать, желание, которого нельзя не испытывать. Описывая в черновых редакциях подготовку к походу 1805 г., Толстой замечает, что «вся Россия хотела быть адъютантом» (Толстой 1949а, 13: 95). При этом, от сторонней помощи при продвижении

¹¹ Ср.: «Их отец был человек прямой, мужественный»; «Я надеялся на Столыпина. Его отец был хороший мой знакомый»; «Его отец прекрасный был человек» (Маковицкий 1979b, 2: 220, 324); «Вспомнил я Столыпина-отца. Он недалекий был человек, генерал был, либерал, но он ужаснулся бы тому, что делает его сын. Об отце – А. Д. Столыпине Л. Н. еще говорил, что неясно было у него в голове, и тщеславный был в молодости, и очень красивый» (Маковицкий 1979с, 4: 275); «Его (Столыпина) отец, хотя он был генерал-адъютантом, был порядочный человек, а это...» (Маковицкий 1979d, 4: 196).

по службе решительно отказывается разве что Николай Ростов, демонстративно выбрасывающий рекомендательное письмо к князю Багратиону и уверяющий, что в адъютанты он ни к кому не пойдет – ибо «лакейская должность!» (Толстой 1979, 4: 303). Однако такое поведение может восприниматься как мальчишество, тем более что у князя Андрея, героя более сложного и вызывающего большую симпатию читателя, отношение к протекции сложнее. В ранних редакциях романа о графе Зубцове, «предшественнике» князя Андрея, говорится как о недавно произведенном во флигель-адъютанты. В итоговом варианте «Войны и мира» герой отправляется на войну в качестве адъютанта Кутузова, причем о том, каким образом он получил эту должность, говорится уклончиво. Если в черновых редакциях Болконский прямо заявляет, что будет адъютантом Кутузова, поскольку тот сам предложил ему это, то в печатном тексте князь Андрей использует максимально расплывчатую формулировку, намекающую на то, что назначение исходило не от него лично или его родных, а от самого Кутузова: «« Le général Koutouzoff, – сказал Болконский, ударяя на последнем слог *zoff*, как француз, – a bien voulu de moi pour aide-de-camp... » («Генералу Кутузову угодно меня себе в адъютанты»)» (Толстой 1979, 4: 21). Чуть позднее старый князь Болконский все же вручает сыну письмо к Кутузову, своему старому приятелю, но их дружба и, соответственно, равенство в отношениях позволяет избежать это рекомендательное письмо от тех унижительных просительских обертонов, которыми могло обладать в реальности письмо толстовской тети Полины Горчакову. Кроме того, Болконский просит в письме долго не держать князя Андрея в адъютантах – это «скверная должность» (ср. выше аналогичную оценку Ростова). Более того, Болконский-старший призывает сына служить у Кутузова только в том случае, если тот будет «хорош»: «Николая Андреевича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет» (Толстой 1979, 4: 141). Таким образом подчеркивается самостоятельность выбора карьеры ее искателем, утверждается та независимость позиции, о которой безуспешно мечтал молодой Толстой. В романе адъютантство подается как нечто временное,

допустимое до тех пор, пока офицер не «пообвыкнется» на новом месте, в штабе, и не поймет, куда ему развиваться дальше. Это, иными словами, всего лишь стартовая площадка для гораздо более блестящей последующей карьеры. В черновиках «Войны и мира» об этом неоднократно говорит и сам герой («Первое время я соглашаюсь быть его адъютантом, но потом я должно быть возьму отдельный отряд». – Толстой 1949а, 13: 269), и повествователь («<...> на него смотрели, как на человека особенного, только временно занимающего должность адъютанта». – Толстой 1949а, 13: 330).

Переосмысляет Толстой и эпизод с бессмысленным приглашением обедать, которое не принесло результатов в случае его отношений с Горчаковым и которое никак не могло быть им забыто в силу своей унизительности. Про Болконского в черновиках романа говорится, что «князь Кутузов ласково принял его, и, как он делал со всеми людьми из одного с ним круга, раз навсегда пригласил князя Андрея всегда обедать у него. Но князь Андрей редко пользовался этим приглашением» (Толстой 1949а, 13: 319). Толстой показательным образом меняет мотивировку приглашения: Болконского зовут не в качестве милости бедному родственнику или потенциальному адъютанту, а в порядке естественного следования нормам этикета, его приглашают как человека «одного круга» с приглашающей стороной. Тем не менее герой уклоняется даже от этой любезности, поскольку это мешает ему заниматься, отвлекает от более серьезных дел. А главное, князю Андрею, видимо, не хочется навлекать на себя даже тень подозрения в том, что он может ходить обедать к Кутузову не как равный к равному, а как заискивающий подчиненный – к начальству.

И все же такое переосмысление вопроса о протекции было бы слишком простым для писателя, некогда испытывавшего страстное желание сделать карьеру и в этом не преуспевшего. Поэтому постепенно образ «карьероискателя» в романе раздваивается: если князь Андрей в итоговом тексте «Войны и мира» воплощает презрение к карьеризму и ту идею, что для достойного и деятельного человека всегда найдется соответствующая ему служба, что его подлинное (не столько сословное, сколько моральное и интеллектуальное)

превосходство над окружающими неизбежно выдвинет его вперед, то все унижительное, что связано с деланием карьеры – дурного рода заискивание перед вышестоящими, вызванное отсутствием способностей, материальной необеспеченностью или утратой светских связей – отдается в удел другому герою, а именно Борису Друбецкому. Черновики «Войны и мира» свидетельствуют о том, что два этих образа вырастают из одного ядра, и генетическая их связанность позволяет Толстому избежать простого и психологически неубедительного, упрощающего мотивацию человеческих действий противопоставления героя «морально стойкого» герою слабому и тщеславному. Избавляя князя Андрея от порока карьеризма, автор оставляет ему другое качество, являющееся зеркальным отражением этого недостатка – он любит покровительствовать: «Под предлогом этой помощи другому, которую он по гордости никогда не принял бы для себя, он находился вблизи той среды, которая давала успех и которая притягивала его к себе» (Толстой 1979, 4: 315). В качестве протеже Андрей выбирает именно Бориса, что также подчеркивает некоторую родственность их душ. «Ежели бы ты не был честолюбив, я бы никакого участия в тебе не принял» (Толстой 1949а, 13: 115), – говорит он Друбецкому, таким образом уравнивая себя с последним, подчеркивая, что на самом деле все в руках самого протеже, а не его покровителя.

Сам Борис в первых вариантах романа изображен не столько как подхалим молчалинского типа, каким он станет в итоговом тексте, сколько как напоминающий Болконского, вполне симпатичный автору герой, но только увиденный изнутри, со всеми страхами и сомнениями, которыми Толстой не мог наделить почти идеального князя Андрея. Писатель в черновиках последовательно отработывает разные объяснения карьеризма, начиная с самых чистых и благородных: «Борис, выехав от Толстого, поехал в Ольмюц к Волхонскому, до которого он имел дело. Дело состояло в том, что богатая связями и светским умением княгиня писала сыну, что Кутузов получил о нем рекомендательное письмо и что ему стоило только явиться к Кутузову, чтобы напомнить о себе. <...> Но ловко

ли было идти напоминать о себе Кутузову? Это было противно Борису. Он знал, что это нехорошо, но он надеялся, что Волхонский докажет ему, что его сомнения – пустяки и что надо идти, и что он пойдет, и что вследствие этого он будет иметь скоро случай быть в деле и отличиться, тогда как гвардия, бог знает, попадет ли еще в дело» (Толстой 1949а, 13: 112–113). Этот эпизод имеет очевидный автобиографический характер, восходя все к той же истории с письмом Юшковой Горчакову (добавим, что в черновых вариантах этого эпизода фамилия самого Бориса – Горчаков или Корчаков). Однако героем здесь движут чувства исключительно возвышенные: перевод к Кутузову должен предоставить Борису возможность отличиться в деле, так что просительство приобретает героический характер самоотдачи во имя интересов родины, а не своих собственных. Сходным образом меняется и функция приятеля, оказывающего помощь: Волхонский требуется не для практической помощи (передачи письма потенциальному начальнику), как было в жизни самого Толстого, обратившегося за помощью к Ковалевскому, а для моральной поддержки. Волхонский должен не столько «похлопотать», сколько убедить приятеля, что его сомнения в допустимости напоминания о себе Кутузову беспочвенны. По сути дела Борис хочет снять с себя ответственность даже не за факт просительства, а за сами мысли о нем, перекладывая на своего приятеля ответственность за этот его, Бориса, самообман. Такое «идейное» обоснование протекции, очищенное от тривиальной эгоистической примеси, должно было рано или поздно показаться Толстому именно самообманом, чем-то неискренним, и потому, работая над текстом, писатель все больше начинает акцентировать желание Бориса добиться вполне прагматических результатов. В итоговом тексте, как мы помним, Борис хочет всего-навсего быть адъютантом «при важном лице» (Толстой 1979, 4: 312).

Чрезвычайно важно при этом, чья поддержка кажется служащему в штабе князю Андрею (Волхонскому в черновиках) действительно продуктивной для его протееже. В данном случае раздваиваются уже не только образы ищущих карьеры героев (Андрей vs Борис), но и «протекционистские» модели. Сделаться

адъютантом при главнокомандующем – сомнительный карьерный ход с точки зрения князя Андрея: о нем можно мечтать разве что в начале карьерного роста, еще не вникнув в расстановку штабных сил, но сама по себе эта должность не позволяет развиваться дальше. Гораздо более перспективно обратиться за помощью к флигель- или генерал-адъютанту, поскольку это позволяет действовать непосредственно через государя и не «осесть» в скромной должности генеральского адъютанта. В окончательном тексте князь Андрей считает разумным обратиться за содействием не к главнокомандующему, а к своему приятелю генерал-адъютанту Долгорукову: «К главнокомандующему вам ходить нечего, – говорил князь Андрей, – он наговорит вам кучу любезностей, скажет, чтобы приходили к нему обедать (“это было бы еще не так плохо для службы по той субординации”, – подумал Борис), но из этого дальше ничего не выйдет; нас, адъютантов и ординарцев, скоро будет батальон. Но вот что мы сделаем: у меня есть хороший приятель, генерал-адъютант и прекрасный человек, князь Долгоруков; и хотя вы этого можете не знать, но дело в том, что теперь Кутузов с его штабом и мы все равно ничего не значим: все теперь сосредоточивается у государя; так вот мы пойдемте-ка к Долгорукову» (Толстой 1979, 4: 315).

Флигель- или генерал-адъютантская протекция предпочтительнее не просто тем, что результативнее, но и тем, что позволяет избежать унижительных писем родственников и хождений обедать, выдающих заинтересованность искателя в продвижении по службе. Такая протекция предполагает прямое, без ненужных посредников, обращение к близкому приятелю, который, в свою очередь, может прямо обратиться к государю. Как осознает Борис, писаная субординация вступает в таком случае в борьбу с неписаной. Борьба двух этих сил в черновиках романа иронически демонстрируется на примере борьбы обозов в ходе передвижения частей русской армии при выступлении из Ольмюца: «Как в главной квартире была своего рода непризнанная законом, но сильнейшая субординация, так и между этими господами: флигельадъютантской обоз отнимал место у генеральского» (Толстой 1949а, 13: 122).

Таким образом, оказывается, что главнокомандующий, при всем своем кажущемся могуществе, не обладает реальными рычагами власти или, точнее, не может помочь всем: действовать посредством неписанной субординации оказывается эффективнее. Толстой словно «мстит» Горчакову, не принявшему его в адъютанты, и реабилитируется перед самим собой, показывая несерьезность перспективы занимать должность при главнокомандующем. Реальную помощь оказывает близкий к императорской фамилии приятель, и есть все основания предполагать, что эта идея также не была изобретена Толстым, а была известна ему по личному опыту¹², что подтверждает нашу версию о заступничестве за писателя людей вроде Столыпина и Горчакова. Однако необходимость близости ко двору в художественном тексте вновь идеализируется, объясняется не меркантильными, а «высокими» резонами: как утверждает Волхонской, в этих высших сферах не просто решаются судьбы конкретных людей, но вершится история, что и заставляет стремиться к ним: «Мы – ничто. Да, вся сила там, около государей. <...> Там делается и начинается все, а мы чернорабочие» (Толстой 1949а, 13: 115). Любопытно, впрочем, что почти во всех вариантах романа генерал-адъютант Долгоруков так и не помогает Борису, отвлекаясь на другой разговор, и искатель в итоге остается ни с чем. Впрочем, даже этот мотив кажется в какой-то степени автобиографичным: в конце концов, императорские адъютанты, как мы попытались показать, не столько оказали Толстому содействие с продвижением по службе, сколько – способствовали его переводу в столицу, где Толстой окупился в литературную жизнь – приблизили расставание с ней.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Боткин В. П. и Тургенев И. С. 1930. Неизданная переписка: 1851–1869 / По материалам Пушкинского Дома и Толстовского Музея подготовил Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academia.

¹² Интересно, что Долгоруков оказывается в романе приятелем уже упоминавшегося выше Билибина.

- Венюкова С. В. 1979. Герои Севастополя: Страницы творческой биографии Л. Н. Толстого. М.: Просвещение.
- Гольденвейзер А. Б. 2002. Вблизи Толстого: Воспоминания. М.: Захаров.
- Дорошенко С. С. 1966. Лев Толстой – воин и патриот: Военная служба и военная деятельность. М.: Советский писатель.
- Зверева М. В. 2004. Барятинское собрание князей Горчаковых как явление культуры российской провинции (Вторая половина XIX – начало XX века). Дисс. ... канд. культурологии. М.: Российский институт культурологии.
- Кольян Т. Н. 2009. Столыпины по документам государственного архива Пензенской области. Род Столыпиных в XIX – начале XX в. в документах Пензенского дворянского депутатского собрания (продолжение). – Тарханский вестник. Вып. 22. Тарханы: Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». С. 165–206.
- Красносельская Ю. И. 2012. Л. Н. Толстой и В. В. Нечаев: К уточнению обстоятельств получения Толстым отставки. – Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 3. С. 154–162.
- Ланский Л. Р. 1965. Из бесед Толстого с Полем Деруледом: Неизвестные записи Е. Ф. Юнге. – Литературное наследство. Т. 75. Кн. 1. М.: Наука.
- Лёвенфельд Р. 2011. Первая биография Льва Толстого: Разговоры о Толстом и с Толстым. Лев Николаевич Толстой, его жизнь, его творчество, его мирозерцание. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Маковицкий Д. П. 1979а. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5-ти кн. – Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1: 1904–1905. / Ред. В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука.
- Маковицкий Д. П. 1979б. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5-ти кн. – Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2: 1906–1907. / Ред. В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука.
- Маковицкий Д. П. 1979с. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5-ти кн. – Литературное наследство. Т. 90. Кн. 3: 1908–1909 (январь – июнь). / Ред. В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука.
- Маковицкий Д. П. 1979д. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5-ти кн. – Литературное наследство. Т. 90. Кн. 4: 1909 (июль – декабрь) – 1910 / Ред. В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука.
- Милорадович Г. А. 1886. Список лиц Свиты Их Величеств с царствования Петра I-го по 1886 г. Киев: Типография С. В. Кульженко.

- Письма Дружинину 1948. Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и комментарии П. С. Попова. – Летописи Государственного литературного музея Кн. 9. М.: Издание Государственного литературного музея. С. 301–303.
- Ткачев А. В. 2013. Подпоручик Севастопольский: Мистерия войны и мира. М.: Русский мир.
- Толстой Л. Н. и П. А. Плетнев 1927. Неизданная переписка / Объяснения к тексту и примечания Л. Б. Модзалевского. – Толстой: 1850–1860. Материалы, статьи / Ред. В. И. Срезневского. Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 22–28.
- Толстой Л. Н. 1934а. Анна Каренина: Части первая – четвертая. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 18. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1934б. Письма: 1880–1886. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 63. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1935. Письма: 1844–1855. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 59. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1936. Воскресение. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 32. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1937а. Дневник: 1847–1854. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 46. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1937б. Дневники и Записные книжки: 1854–1857. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 47. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1949а. Война и мир: Черновые редакции и варианты. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 13. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1949б. Письма: 1856–1862. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 60. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1952. Записки христианина, Дневники и Записные книжки: 1881–1887. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 49. М.: Художественная литература.

- Толстой Л. Н. 1953. Письма 1863–1872. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 61. М.: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой Л. Н. 1978. Переписка с русскими писателями / Сост., вступительная ст. и примечания С. А. Розановой. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. 1979. Собр. соч.: В 22-х тт. Т. 4. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. и Толстая А. А. 2011. Переписка (1857–1903) / Изд. подготовили Н. И. Азарова, Л. В. Гладкова, О. А. Голиненко, Б. М. Шумова. М.: Наука (Серия «Литературные памятники»).
- Тютчева А. Ф. 1990. При дворе двух императоров (Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II). М.: Советская Россия.
- Уортман Р. С. 2004. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: О. Г. И.
- Шереметев С. Д. 2004. Мемуары графа С. Д. Шереметева / Сост., подготовка текста и примечания Л. И. Шохина. Т. 1. М.: Индрик.
- Г. С. Ш. [С. Д. Шереметев] 2005. Князь Дмитрий Сергеевич Горчаков: [Некролог]. – Мемуары графа С. Д. Шереметева / Сост. К. А. Ваха и Л. И. Шохина. Т. 3. М.: Индрик. С. 370–373.

REFERENCES

- Botkin, V. P. and Turgenev, I. S. *Neizdannaiia perepiska: 1851–1869*. Compiled by N. L. Brodskii. Moscow and Leningrad: Academia, 1930.
- Doroshenko S. S. *Lev Tolstoi – vojn i patriot: Voennaia sluzhba i voennaia deiatel'nost'*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1966.
- G. S. Sh. [S. D. Sheremetev, pseud.]. “Kniaz' Dmitrii Sergeevich Gorchakov: [Nekrolog].” In *Memuary grafa S. D. Sheremeteva*. Compiled by K. A. Vakha and L. I. Shokhina. Vol. 3, 370–73. Moscow: Indrik, 2005.
- Gol'denveizer, A. B. *Vblizi Tolstogo: Vospominaniia*. Moscow: Zakharov, 2002.
- Kol'ian, T. N. “Stolypiny po dokumentam gosudarstvennogo arkhiva Penzenskoi oblasti. Rod Stolypinykh v XIX – nachale XX v. v dokumentakh Penzenskogo dvorianskogo deputatskogo sobraniia (prodolzhenie).” In *Tarkhanskii vestnik*. Vol. 22, 165–206. Tarkhany: Gosudarstvennyi Lermontovskii muzei-zapoednik “Tarkhany”, 2009.

- Krasnosel'skaia, Iu. I. "L. N. Tolstoi i V. V. Nechaev: K utochneniiu obstoiatel'stv polucheniia Tolstym otstavki." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9: Filologiya* 3 (2012): 154–62.
- Lanskii, L. R. "Iz besed Tolstogo s Paul'em Déroulède'om: Neizvestnye zapisi E. F. Iunge." In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 75, bk. 1. Moscow: Nauka, 1965.
- Löwelfeld, R. *Pervaia biografiia L'va Tolstogo: Razgovory o Tolstom i s Tolstym. Lev Nikolaevich Tolstoi, ego zhizn', ego tvorchestvo, ego mirosozertsanie*. Rostov-on-Don: Feniks, 2011.
- Makovitskii, D. P. *U Tolstogo. 1904–1910: "Iasnopolianskie zapiski"*. 5 vols. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 90, bk. 1, 1904–1905. Moscow: Nauka, 1979.
- . *U Tolstogo. 1904–1910: "Iasnopolianskie zapiski"*. 5 vols. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 90, bk. 2, 1906–1907. Moscow: Nauka, 1979.
- . *U Tolstogo. 1904–1910: "Iasnopolianskie zapiski"*. 5 vols. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 90, bk. 3, 1908–1909 (ianvar' – iiun'). Moscow: Nauka, 1979.
- . *U Tolstogo. 1904–1910: "Iasnopolianskie zapiski"*. 5 vols. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 90, bk. 4, 1909 (iiul' – dekabr') – 1910. Moscow: Nauka, 1979.
- Miloradovich, G. A. *Spisok lits Svity Ikh Velichestv s tsarstvovaniia Petra I-go po 1886 g.* Kiev: Tipografiia S. V. Kul'zhenko, 1886.
- Popov, P. S., ed. *Pis'ma k A. V. Druzhininu (1850–1863)*. Moscow: Izdanie Gosudarstvennogo literaturnogo muzeia, 1948.
- Sheremetev, S. D. *Memuary grafa S. D. Sheremeteva*. Compiled and annotated by L. I. Shokhin. Vol. 1. Moscow: Indrik, 2004.
- Tiutcheva, A. F. *Pri dvore dvukh imperatorov (Vospominaniia i fragmenty dnevnikov freiliny dvora Nikolaia I i Aleksandra II)*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1990.
- Tkachev, A. V. *Podporuchik Sevastopol'skii: Misteriia voiny i mira*. Moscow: Russkii mir, 2013.
- Tolstoi, L. N. *Anna Karenina: Chasti pervaiia – chetvertaiia*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 18. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1934.
- . *Pis'ma: 1880–1886*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 63. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1934.
- . *Pis'ma: 1844–1855*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 59. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1935.
- . *Voskresenie*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 32. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1936.

- . *Dnevnik: 1847–1854*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 46. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1937.
- . *Dnevniki i Zapisnye knizhki: 1854–1857*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 47. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1937.
- . *Pis'ma: 1856–1862*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 60. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1949.
- . *Voina i mir: Chernovye redaktsii i varianty*. – In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1949.
- . *Zapiski khristianina, Dnevniki i Zapisnye knizhki: 1881–1887*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 49. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1952.
- . *Pis'ma 1863–1872*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Vol. 61. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura", 1953.
- . *Perepiska s russkimi pisateliami*. Compiled and annotated by S. A. Rozanova. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1978.
- . *Sobranie sochinenii*. 22 vols. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1979.
- Tolstoi, L. N. and Pletnev, P. A. "Neizdannaiia perepiska." Annotated by L. B. Modzalevskii. In *Tolstoi: 1850–1860. Materialy, stat'i*. Edited by V. I. Sreznhevskii, 22–28. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1927.
- Tolstoi, L. N. and Tolstaia, A. A. *Perepiska (1857–1903)*. Edited by N. I. Azarova, L. V. Gladkova, O. A. Golinenko, B. M. Shumova. Moscow: Nauka, 2011.
- Wortman, R. S. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii*. Vol. 2, *Ot Aleksandra II do otrecheniia Nikolaia II*. Moscow: O. G. I., 2004.
- Veniukova, S. V. *Geroi Sevastopolia: Stranitsy tvorcheskoi biografii L. N. Tolstogo*. Moscow: Prosveshchenie, 1979.
- Zvereva, M. V. "Bariatinskoe sobranie kniaziei Gorchakovykh kak iavlenie kul'tury rossiiskoi provintsii (Vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka)." Ph. D. equivalent diss., Rossiiskii institut kul'turologii, 2004.